

В обличениях Максима Грека выступает перед нами любопытный тип иерарха-феодала, тяготеющего к войску, во время мира окруженного ратными людьми, а в военное время снаряжающего и благословляющего их убивать и пленять единовѣрных собратий. В форме обращения ума к душе Максим Грек говорит: «вооружити паче изволила естъ на мужеубительныя брани полки ратныя, ими же провожаема и служима и окружаема во время мира радуется зѣло, брани же наставиши, изѣоруживши ихъ зѣло бодренно и изѣостривше молитвами и благословеніи и словесы подвижными, убивати, плѣняти абіе ихъ отпусти, и что бы иновѣрныя, было бы убо зло менши, ныне же други Христовы и часть господню».¹

Полное пренебрежение иноческими обетами и служение мирскому злу проходит красной нитью через весь жизненный уклад высших представителей церкви: об этом свидѣтельствуе даже рисуемая Максимом картина проезда по городу «напитанного, кровью убогих», одетого в монашескіе ризы, высшего духовного лица. Иерарх едет на благородных конях, окруженный слугами, которые сопровождают сзади и скачут впереди, с криками бичами разгоняя встречающійся и толпящійся народ. И это обличение выражено в той же форме, что и предыдущее: «Ты же, треокаянна, пишеть Максим, кровей убогихъ безпачдно испивающи, лихвами и всякимъ дѣломъ неправеднымъ и себѣ оттуду преобильно приготавливающи вся твоя угодная, егда же и якоже хошеши, во градѣхъ же ѣздящи на конехъ благородныхъ со многими, овѣмъ убо вослѣдующимъ, овѣмъ же напредѣ воплемъ и бичію разбивающимъ срѣтающи или стѣсняющи ты народы. Угодна ли творити мниши своими долгими молитвами и чернымъ симъ власянымъ образомъ Христу любяшу милости паче жертвы и осужающа всякого нищененавидца».² Достигшие известного положения благодаря заискиванию перед светской властью сановные монахи с одной стороны проникнуты безграничной гордостью, ставя себя выше всякого закона («и мнишь прочее, яко над закономъ владѣти поставленъ естъ»)³, с другой охвачены многомятежным попечением, «како угодити властелемъ».⁴ Нравственная атмосфера их отношений к равным характеризуется чертами клеветы и лицемерной дружбы: под личиной показного благочестия скрывается нравственное уродство: «Вина же и масла въ среду и въ пятокъ вкусити блюдется, отеческимъ уставомъ повинуюся, не трепещеть, мясь челоувѣческихъ грызущи, стрѣляни,

¹ Ibid., II, стр. 40.

² Ibid., II, стр. 43, 44.

³ Ibid., II, стр. 37.

⁴ Ibid., II, стр. 37.